

Сергей Степанов-Прошелец

Несимметричные стихи

Сергей Степанов-Прошелецев

Несимметричные стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47417135

ISBN 9785005055286

Аннотация

В книге собраны стихи последних лет, которые не вошли в предыдущие сборники. Раздумья о времени, о том, что нас ожидает в грядущем.

Содержание

ЧТО-ТО ВРОДЕ СОНЕТА	6
РУССКИЙ ИКАР	9
ЭСЕРЫ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Несимметричные стихи

Сергей Степанов- Прошелец

© Сергей Степанов-Прошелец, 2019

ISBN 978-5-0050-5528-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не кончена война, пока зло в почёте и в фаворе...

* * *

Эти горы растрескало эхо,
хаос гальки и каменных глыб...
Я сюда не напрасно приехал —
я приехал туда, где погиб.

Я не знал, что сумею родиться
ещё раз, даже с пулей в боку.
Я погиб здесь тогда, когда фрицы
совершали свой марш на Баку.

Упрекнуть себя вовсе мне не в чем,

я уверен был только в одном.
Я отдал свою жизнь, чтобы нечисть
выжечь праведным белым огнём.

Я не верил тогда, погибая,
в то, что мы понимаем без слов,
чтобы Русь отступила святая
от своих православных основ.

ЧТО-ТО ВРОДЕ СОНЕТА

Её сжигали на кострах
и сторожил дозор,
но, пересиливая страх,
шли люди на костёр.

Кто на морозе был раздет
за ту благую весть,
и вроде нет её, но есть
она — во всём, везде.

Её ничем не запятнать,
в ней смысл и глубина,
и изменить ей — это грех;
та истина — одна,
а коль она одна на всех,
она не может лгать.

* * *

Архаичный напев,
анфилады, колонны, аркады.
Храм античных богов.
Свет неоновый, свет автогена.
И звучание арф,
и узорчатый след звездопада —

вот, что я вспоминаю,
что я унаследовал в генах.

Кто те звуки обрѣк
на вселенскую муку такую?..
Нет, грехи искупить я не смог,
смог лишь только прибавить.
Я устал тосковать.
Я уже машинально тоскую.
Ты мне, арфа, скажи,
кто бы смог ампутировать память?

Мне тому эскулапу
не жалко отдать, что имею...
Замолчите, сирены!
Вы мне совершенно не любы.
И рассвет, что свернулся
клубком ядовитого змея,
вновь открыл свою пасть,
и видны ядовитые зубы...

* * *

Лишь тогда, когда обманом
побеждали силы зла,
ели сладко, пили пьяно —
воля вольная была.

Но тогда, нетрезвый в стельку,
в грех введя честной народ,

атаман казачий Стенька
вешал пачками господ.

Да, вождам всегда зазорно
защищать всех от беды.
Оттого и зреют зёрна,
зёрна мести и вражды.

И, что ты теперь не делай,
та же самая туфта:
не была Россия белой —
побеждает краснота.

Каждый лезет вон из кожи
доказать, чья тут вина.
И все так, увы, похожи,
что не кончилась война...

Упаси от крови, Отче,
Ты – в туманном далеке,
а у нас тут бой не кончен,
неизвестно между кем.

РУССКИЙ ИКАР

Густо усыпал ветки ломкий куржак колючий,
над серебром деревьев ветер Кощеем чах...
Плечи мужик расправил – так оно будет лучше,
и заиграла сила, что у него в плечах.

В церкви дьячки стращали: где, мол, тебе решиться,
ты себя на погибель загодя обрекал.
Люди внизу смотрели, вверх запрокинув лица...
Люди – внизу, а выше, в просини – облака.

Крылья свои ковал он в кузнице. Наковальня
в курсе была всех этих, в общем, крамольных дел.
Зная, что в нашем мире нет ничего коварней,
он, расправляя крылья, вроде бы полетел.

Не удержали крылья. В штопор сорвалось тело,
не прояснилась сразу неба сплошная муть.
И облаков армада, словно, эскорт, летела,
сопроводив Икара в самый последний путь.

...Толща веков осела, лет обвалилась груда,
шарик земной вращался, слыша галактик зов.
Небо всегда манило – так, словно манит чудо,

в белом своём убранстве перистых облаков.

Мы расщепили атом – очень живые люди,
мы изучили гены, в Космос растим леса.

Но на чужих планетах нам всем хватать не будет
неба, земного неба, чистого, как роса.

ЭСЕРЫ

Белый снег, бесконечный снег,
в ледяном обрамленьи пруд,
и беззвучный безумный смех
тех, кого на расстрел ведут.

Этот смех — как эхо беды,
но она к нам пришла во двор,
чтобы целый мир убедить
в том, что Бог на земле — террор.

Эта белая круговерть
и в кровавом гало восток —
не расплата за чью-то смерть,
а за то, что ты так жесток.

Кто ты был? Не один из нас?
Почему ты так тускло жил?
Под щекой твоей грязный наст —
это всё, что ты заслужил?

* * *

С тоской, надеждой и любовью,
полны коварства и огня,

красавицы Средневековья
глядят сквозь время на меня.

И снова трепетно и зыбко
по их губам скользит едва
непостижимая улыбка,
в которой столько волшебства.

Тогда наряды были строже.
Сейчас, увы, другой фасон.
Ничуть на прежних не похожи
красавицы иных времен.

Намакияженные смачно,
они всех в мире хорошей,
под метр восемьдесят, с мачту,
а ноги — словно из ушей.

Спаси меня, родная мама,
от этих бройлеров-девиц!
Ведь тайны нету даже грамма
под сенью крашенных ресниц.

* * *

Обычное вроде колечко с рубином,
но что-то кровавое в камне застыло.

Он – реквием по незаконно убитым,
убитым расстрельной командой в затылок.

Он – память о том, кто полёг в «Коммунарке»,
кто больше не видит гвоздику рассвета.
В нём – кровь... И мне снова становится жарко,
и снова мне страшно от этого света.

И я вспоминаю те давние даты,
которые всех нас касаются лично.
Я знаю одно: то, что было когда-то
прекрасным и чистым, родится вторично.

Нет в мире, наверное, правильной правил —
оплакать всё то, что страна не успела...
И этот рубин в неприметной оправе —
как будто свидетель того беспредела.

* * *

Снаряд в сосне занозою застрял.
Он никому не навредил нисколько.
И это было выходом в астрал
для тех неразлетевшихся осколков.

Они снуют вдоль облачных долин,
отшельники и вечные скитальцы.

Снаряд тот жизнь кому-то подарил,
но всё-таки он может разорваться,

когда вдруг исчезает тишина,
когда весь мир в болячках и в раздоре...
Нет, вовсе не окончена война,
покуда зло в почёте и в фаворе.

Летят осколки... Их невидим рой,
но тут не надо никаких истерик:
до той поры не победит добро,
пока рассудок в это не поверит.

* * *

Наталии Горбаневской

Я помню всё, словно
был взглядом я вашим обласкан.
На месте том Любном
стояли вы с детской коляской.

У ног — транспарант...
Сквозь заслон я не мог к вам пробраться.
Ещё не пора
для протестных таких демонстраций.

Ещё на потом

вам оставлены вёсны и зимы.
Ещё не дурдом,
не инъекции аминовазина.

Ещё коротит,
ещё лишь понимания искры.
Еще впереди
жизнь, похожая чем-то на выстрел.

* * *

Так угодно было Судьбе,
чтобы в тот недородный год,
был одет он, как все, в хэбэ
и зачислен в стрелковый взвод.

Здесь известен твой каждый шаг,
здесь не нужен ничей успех,
но он с Армией – на ножах,
значит, он один против всех.

Это был бесполезный бой —
не осилить державный вал.
Только чью-то власть над собой
никогда он не признавал.

И замешкалась как-то власть,

или, может, вмешался Бог,
но как будто Судьба сдалась,
признавая свой хенде хох.

Но когда он шел, не страшась,
на войну против силы зла,
она просто втоптала в грязь
все благие его дела...

А в России опять дурдом
и могильных танцев аншлаг.
Может быть, вся загвоздка в том,
что до краха один лишь шаг?

Мы верили чужим словам...

* * *

Всё спуталось: и следствие, и цель,
и мы блуждаем в дымовой завесе,
и не родится новый Парацельс,
чтоб исцелить от этой адской смеси.

И в панике, в удушливом дыму,
где не найти спасительные двери,
привыкшие не верить ничему,
мы и себе, наверное, не верим.

Та ложь во всём, до гробовой доски —
в слепой судьбе, в молчанье утлых улиц...
И если мы умрём не от тоски,
то, значит, даже в этом, обманулись.

* * *

Мы верили чужим словам
назло своим врагам идейным,
хоть вождь бредятину сливал,
пусть не совсем членораздельно.

Жизнь проходила полосой —
то слишком чёрной, то светлее,
и очередь за колбасой
длинней была, чем к мавзолею.

Следил за нами чей-то глаз,
мы словно были на закланье...
Но что-то шевелилось в нас —
какой-то проблеск пониманья.

И был во всём банальный крап,
а это шулерство — не в жилу:
мы не приветствовали крах
того отжившего режима.

Казалось, наступал пролог
другой, какой-то новой схемы.
Но почему опять пролёт,
и снова строим на песке мы?

И снова ниже мы травы...
Неужто кровь такая рабья,
что доведется нам, увы,
вновь наступить на те же грабли?

* * *

Ночь кругом, немота ледяная,
и опять я себя обману:
обнаженную, словно Данаю,
жаль мне эту большую страну.

Нет, не жалко – ведь всё на пределе,
и покой навсегда унесён,
и за что наши предки радели, —
позабылось, как утренний сон.

И не надо по-нищенски охать —
это, в общем, закон бытия.
Вот и всё. Завершилась эпоха,
несчастливая эра моя.

* * *

Время вновь проявляет монаршую власть,
обжигающим снегом заносит сады.

И однажды оно может камнем упасть,
может бомбой обрушиться с высоты.

Астероид ли это, иль стая ракет
принесут нам гибель, отравят поля?

И последует дальше, ужё налегке,
без людей и зверья голубая Земля.

Очень страшно, когда неизвестен конец,
когда профиль судьбы акварельно размыт,
Когда ты, словно мелкая рыбка-живец
на крючке, чтоб тебя проглотили сомы.

Это страшно, когда неизвестен исход,
когда скрыться нельзя и не там, и не тут,
и не начат ещё тот несправедный год,
когда больше не будет часов и минут.

* * *

Вновь стране предвещают распад,
мы сильнее друг друга пинаем,
и Христос не однажды распят —

каждый день мы его распинаем.

Мы смирились, похоже, с судьбой,
её прихвостни и брадобреи.

Мир спасут только шок, только боль —
лишь тогда люди станут добрее.

Но, наверное, хватит пенять
на нарывы и кровоподтёки.

Мы, увы, не сумели понять
свою душу, где только потёмки.

Не хватило ни сил, ни ума,
хоть боролись почти до упора,
и теперь эта мёртвая тьма
проникает и в сердце, и в поры.

Только это ещё не конец,
это где-то в серёдке и между.
Вы простите, Луганск и Донецк,
вы простите, что дал вам надежду.

Я вас предал, и даже не раз,
что Иуды равно поцелую,
торговался с хохлами за газ,
а теперь вашей жизнью торгую.

Вы простите, я глух был и слеп,
я не сдал самый трудный экзамен,
и вы смотрите долго мне вслед
бередящими душу глазами.

* * *

Это, наверное, строго по теме:
наше живет поколение
в Солнечной, очень уютной системе
лишь на задворках Вселенной.

Как бы своё мы сердечко ни грели,
надо оставить затею:
братья по разуму – те, что центрее,
видимо, нас поумнее.

К нам не хотят они вовсе добраться —
в наши крысиные норы...
Братцы мои, межпланетные братцы,
Мы вам совсем не партнёры

Истина мне приоткрылась простая:
хоть меня в небо не тянет,
как вас сейчас на Земле не хватает,
чтоб помирились славяне!

* * *

Сонных дней потревожен улей.
Поражает вражды размах.
Вновь война. Только чаще пуля
метит тех, кого мучит страх.

Да, жестока её вендетта,
неспокойно так на душе:
рядом смерть притаилась где-то,
но не прячусь я в блиндаже.

Я кручусь на плацдарме с теми,
кто рискует жизнью опять,
ну а те, кто боится тени, —
тем победы не испытать.

Начало формы
Конец формы
Начало формы

* * *

Мы напрасно, что пропало, ищем,
всё равно, похоже, не найдём.
Не построить нового жилища
там, где всё охвачено огнём.

Не вернуть потерянного пыла,
нам достались – ты уж не серчай —
только обгорелые стропила,
только этот горький иван-чай.

Только этот ледящий ветер
и пустые, выжженные дни,
и уже нам ничего не светит,
кроме – ещё тлеет – головни.

Потому-то, жизнь кляня такую,
мы не держим друг на друга зло —
каждый по отдельности тоскует
по тому, что сбыться не могло.

Были мы отнюдь не херувимы,
а скорее, жертвы суеты,
и руины, лишь одни руины
на слепом пожарище мечты.

* * *

Я сомневался, но она сбылась.
Она пришла – таинственная маска,
и вся реальность, ложь её и грязь
исчезли, словно призрак Карла Маркса.

Приход её был неосуществим:
мечта своё не знает воплощенье,
она растает — это только дым, —
а пароксизм рождает отвращенье.

Прагматики — вот кто теперь в цене,
романтики давно уже в опале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.